

КАЖДЫЙ раз, когда я слышу «Школьный вальс» Дунаевского, мне неизменно вспоминается один далекий предвесенний вечер...

...Вечер полон звезд. Их таинственный свет незримо струится на землю, на заснеженные поля, и снег, кажется, в сиреневых сумерках тоже светится. В широких розвальнях я отвожу на станцию к московскому поезду народного артиста, солиста государственных театров, «его величество», как величали мы прославленного певца в нашей писательской коммуне, где за вечерним чаем Вересаев читал ему свои записки о Пушкине, а Новиков-Прибой — отрывки из еще неопубликованного романа «Цусима».

Ворона наша кобыла Ночка, застоявшаяся в конюшне, резко набирает скорость, радостно выбрасывая в брызгах снега свои сухие легкие ноги. Но я придерживаю ее — сразу за поворотом, у школы, дорога нанатисто уходит вниз к Москве-реке.

Артист лежит на сене, укутанный по самые брови в меховую шубу. Мы земляки, и разговор у нас ведется о прошедших праздниках, о нашем далеком, невозвратном детстве, о новогодних колядках под окнами украинских хаток, где девчата нестройным хором голосисто славили хозяев, желая им всякого добра и здоровья, о народных песнях и гаданиях. И словно в ответ нам в вечерней полумгле весело зазвенели ребячьи голоса. Артист приподнялся на локте, прислушался.

— Что это?

— Сельская школа. Бывшая часовня. Теперь в ней живет учительница. Живет одна. Сын в солдатах.

— Учительница? Мать солдатская? А не заглянуть ли нам к ней в гости? А ну, повернули к школе!

Ребятня с веселым гомоном, хлопая друг друга сумками и перебрасываясь снежками, разбегалась по домам на лыжах.

— Не опоздать бы к поезду.

— Не будем тревожиться, повелим подать другой! — парственным жестом успокоил меня народный артист.

Мы словно продолжали ту путливую игру, затеянную в нашей коммуне.

Подняв к школьной калитке и привязав Ночку к забору, мы поднялись на старое, истоптанное крылечко. Из полутемных сеней хорошо был виден пустой класс, низенькие парты, развешанные по стенам портреты писателей. Худенькая седая учительница, принакрыв плечи пуховым платком, от-

кое фиолетовое пламешко и осветило снизу доброе лицо учительницы, ее усталые глаза. Но в них сияло любопытство.

Она показала нам свою чистенькую девичью светелку: на столике с вышитой скатертью лежали стопкой учебные тетрадки. На стенке мы увидели фотографию белокурого мальчика в солдатской форме, он был снят на фоне развернутого знамени. А на гвозде висела гитара с большим белым бантом. Увидев гитару, артист сразу оживился:

на, изумлена. Ее безмолвный восторг окрылял, звал певца в какие-то дали, в надзвездные края, и он пел, очарованный необычностью всей этой неожиданной обстановки: перед ним была единственная слушательница. Одна.

Видимо, артисту всегда необходима взволнованность чужого сердца, отзвук в чьей-то душе, близкой и родной: это был миг перевоплощения в дивный мир музыки, в звук, свет, в бесконечность... Возможно, при всей своей шумной и могучей славе

вдвоем шуточную украинскую колядку и уехали, так и не объяснившись.

...Много лет прошло с той поры, с того памятного вечера. Ныне в тех местах понастроены дома писателей, артистов, композиторов. Возведены санатории, пролегли широкие бетонные шоссе. Но школа стоит на том же месте, недалеко от придорожного оврага.

И вот однажды в сумерках, прогуливаясь с композитором Дунаевским и проходя мимо старой школы, я вспомнил тот далекий вечер и ту встречу со старой учительницей. Дунаевский с большим и глубоким вниманием выслушал мой рассказ и заинтересовался: жива ли та учительница, и кто теперь преподает в школе?

— Не знаю, вряд ли. Ей уже и тогда было немало. После в школе учительствовал ее сын. Его расстреляли немцы.

— Расстреляли учителя? Да за что же?

— А просто так. Будто бы за связь с партизанами. Вывели из школы и вон там невдалеке, на опушке рощи, и расстреляли.

Дунаевский даже побледнел, завокнулся, закурил, стал жадно и глубоко затягиваться папиросным дымом.

— А можно пройти к тому месту?

По узкой снежной тропочке мы гуськом прошли по косягу оврага, поднялись к опушке сосновой рощи и остановились у деревянной оградки, за которой возвышался небольшой, сложенный из кирпича самодельный памятник, повязанный выцветшим пионерским галстуком. На холмике лежали засохшие цветы и свежая сосновая веточка. Вокруг стояла безмолвная тишина, лишь слабый ветерок с прибойным шуршанием изредка пролетал по вершинам старых сосен.

Композитор долго курил у оградки, думая о чем-то своем, неведомом и глубоком. Потом вынул из кармана карандаш и стал что-то быстро чертить на папиросном коробке: по характерным движениям карандаша трудно было догадаться — это были ноты. Дунаевский

бегло записал какую-то музыкальную фразу. И пояснил:

— Кажется, Мюссе сказал, что одно слово, записанное вовремя, дороже вороха позднейших воспоминаний! Это будет вальс. Мой новый вальс...

Так родилась мелодия «Школьного вальса», посвященного старой учительнице.

Многое вспоминается, когда я слышу теперь «Школьный вальс».

Мне видится тихий предвесенний вечер. Сельская школа. За синими окнами задумчивый лес. Луна. В ее зыбком свете неясно угадывается уходящая под гору снежная дорога с раскатыми следами леденцовыми следами санных полозьев. У школьной калитки привязанная лошадь, на ее спине тусклый отсвет луны, похожий на старинный посеребренный чепрак. И на фоне оснеженного окна, под лампой — народный артист страны, прославленный певец, выступающий со своим сольным концертом перед одинокой учительницей заброшенной сельской школы...

Промчались годы с веснами,
Давно мы стали взрослыми,
Но помним наши
школьные деньки!
Плывут морями грозными,
Летят путями звездными
Любимые твои ученики...

РАССКАЗ

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Иван РАХИЛЛО

крывала окно — проветрить помещение. Она стояла к нам спиной. И хотя дверь была отворена, артист деликатно постучался?

— Разрешите?

В неярком полусвете керосиновой лампы, висевшей под потолком, учительница выглядела старше своих лет. Она с молчаливым и тревожным недоумением вглядывалась в наши лица.

— Вам кого?

Мой спутник величественным движением снял с головы свою меховую боярскую шапку с бархатным верхом.

— Ради бога, простите нас за этот визит без приглашения! Дело в том, что когда-то и я учился вот в такой же сельской школе. Захотелось взглянуть, вспомнить... Боже, как знакомы мне все эти запахи! Сколько воспоминаний сразу нахлынуло в душу! О босоное наше детство!

Так началось наше знакомство со школой. Мы оглядели класс, сени, у полупогасшей печки лежали кучей сваленные березовые дрова, артист заботливо подбросил в раскрытую дверь несколько поленьев, вспыхнуло лег-

— Родная душа! Оказываетесь, вы тоже любите музыку! Можно?

И не ожидая ответа, он тут же снял с гвоздя гитару и стал ее настраивать.

— Правда, здесь у нас немного тесновато. Не пройти ли нам в тронную залу?

И мы прошли в класс. Закрыв окно, гость без всякого объявления, но как бы пробуя голос, тихо и проницательно запел под гитару:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Невозможно даже и передать, как была поражена старая учительница! Артист запел, охваченный каким-то неистовым вдохновением, он пел то тихо, вкрадливо, то соловьино взмывая под самое, казалось, поднебесье, и голос его звучал чисто и хрустально, как у влюбленного юноши. О чем она могла думать, что предполагать? Какой добрый волшебник устроил ей праздник, нежданно прислал таких удивительных гостей? В те далекие годы, в тех глухих местах еще не было ни радио, ни кино, ни телевидения, можно вообразить, как она была восхище-

ему как раз и не доставало в жизни вот этой простой человеческой задушевности, безмолвной благодарности чистого сердца. Не знаю. Но когда слушаешь такое пение, хочется стать лучше, чище, добрее.

Присев на низенькую парту и молитвенно сложив на груди ладони, учительница с каким-то детским изумлением слушала певца, ничего не понимая, пораженная, онемев от восторга. А он пел романсы и арии под гитару и без гитары, пел песни — русские и украинские, пел самозабвенно, полудовернувшись к заснеженным окнам, не отставиваясь и боясь, чтобы не ушло, не исчезло это красивое общение душ, это редчайшее ощущение заоблачного полета. Так по крайней мере все это виделось и представлялось мне...

Никогда потом не приходилось видеть и слышать ни одного артиста, ни одного певца в таком возвышенном запале, в таком поэтическом вдохновении! Около двух часов продолжался этот удивительный концерт, данный знаменитым артистом перед простой сельской учительницей.

Напоследок мы спели ей

«Соб. рукопись» г. Москва
7 фев 1975